

не отрекались. Наши сельскіе дьячки и городскіе хоры пѣв-
чихъ и въ 20 вѣкѣ поютъ о той же идеѣ спасенія, которую
въ противовѣсъ „лжеименному знанію“ еще во 2 вѣкѣ вы-
ставлялъ св. Ириней Лионскій, „умащенный небесными да-
рованіями истинной вѣры и вѣдѣнія“ (Epirh. Haer. 31, 33. Migne,
PG., t. 41. col. 527 C—D), которую въ четвертомъ вѣкѣ пре-
мудро раскрывалъ св. Аванасій, защищая ее противъ аріанъ
цѣною своей жизни, о которой пѣлъ въ восьмомъ вѣкѣ св.
Іоаннъ Дамаскинъ, „дѣйствомъ Духа свою цѣвницу ударяя“.

Вообще первая часть сочиненія заслуживаетъ полнаго
одобренія и похвалы. Если ученіе о спасеніи изложено не
вполнѣ, то это объясняется тѣмъ, что авторъ ограниченъ
былъ матеріаломъ, заключеннымъ въ богослуженіи двана-
десятихъ праздниковъ, а въ богослуженіи вѣдь нѣтъ какихъ
нибудь трактатовъ. На недостатокъ догматическаго матеріала
жалуется и самъ авторъ (стр. 84). Что сказано въ богослу-
женіи, то сказано сильно и кратко. Таковы свойства языка
поэзіи. Такой характеръ матеріала при обработкѣ его въ си-
стему представлялъ немало трудностей, съ которыми авторъ
иногда боролся безуспѣшно. Такъ, напримѣръ, говоря въ
первой главѣ о грѣхѣ, авторъ приводитъ цѣлкомъ тропарь
изъ канона на Рождество: „Христось принесь намъ богат-
ство обоженія, за пожеланіе котораго мы съ высоты ниспали
въ бездну мрака“ (стр. 74). Но вѣдь первая половина тро-
паря говоритъ про обоженіе человѣческаго естества Хри-
стомъ, а не о грѣхѣ. Приводя тропарь въ его цѣломъ видѣ,
авторъ какъ бы забѣгаетъ впередъ, въ слѣдующую главу.
То же можно наблюдать и на стр. 83. 86.

Вторая часть сочиненія о. Архангельскаго озаглавлена:
„Живое выраженіе Домостроительства нашего спасенія въ
годовомъ церковно-богослужебномъ кругѣ дванадесятихъ
праздниковъ“ (стр. 185—278). Здѣсь авторъ желаетъ „раз-
смотрѣть, какъ представляется идея спасенія въ различныхъ
моментахъ ея развитія“ (стр. 186). Съ этою цѣлью онъ изла-
гаетъ содержаніе богослуженія каждаго дванадесятаго празд-
ника въ отдѣльности. Это изложеніе можетъ имѣть неоспо-
римое законное мѣсто въ сочиненіи только при томъ усло-
віи, если ясно будутъ отмѣчены именно моменты идеи спа-
сенія, наиболѣе ярко выраженные въ богослуженіи того или
другаго дванадесятаго праздника. Справедливость требуетъ

сказать, что автору не удалось вполне достигнуть имъ же самимъ поставленной себѣ цѣли. Съ точки зрѣнія идеи спасенія болѣе или менѣе удовлетворительно освѣщено богослуженіе лишь трехъ праздниковъ—Рождества Христова, Преображенія и Вознесенія Господня. Преимущественно же дается, правда, хорошее описаніе праздничнаго богослуженія и того настроенія, которое оно создаетъ въ душѣ члена Христовой Церкви. Получается нѣчто вродѣ неподражаемыхъ и незамѣнимыхъ „Писемъ о Богослуженіи восточной католической Церкви“ А. Н. Муравьева или „Праздниковъ Господнихъ“ К. П. Побѣдоносцева. Безспорно, книги эти превосходны, но строго научно-богословскаго значенія они, какъ и вторая часть сочиненія о. Архангельскаго, имѣть не могутъ.

Дѣлая отзывъ о разсмотрѣнномъ мною сочиненіи, не могу не упомянуть объ его литературныхъ достоинствахъ. Все сочиненіе написано совершенно правильнымъ вполне литературнымъ языкомъ. Самый придирчивый критикъ едва-ли нашелъ бы болѣе двухъ-трехъ стилистическихъ промаховъ (напр. стр. 165). Мѣстами же о. Архангельскій возвышается до прямо художественнаго краснорѣчія духовной поэзіи и вводитъ тѣмъ самымъ рецензента въ непреодолимое искушеніе сдѣлать нѣсколько выписокъ.

Вотъ характеристика богослуженія. „Здѣсь Богъ „преклоняетъ небеса“ и нисходитъ на землю, и человекъ восходитъ на небо; здѣсь „небо и земля пророчески веселятся“ о великихъ тайнахъ Божіихъ; здѣсь „ангели и человекъ смѣшаются“; здѣсь „облацы кропятъ правду“ и „вѣютъ вѣтры, спасенія провозвѣстницы“; здѣсь „небеса повѣдаютъ славу Божію“, „день дни отрываетъ Божественный глаголь и благовѣствуется день отъ дне спасеніе Бога нашего“... (стр. 10). „Мы мысленно принимаемъ здѣсь отъ Архангела спасительную вѣсть Благовѣщенія, благоговѣнно притекаемъ къ Вишлеемскимъ яслямъ, явственно сръбаемъ Христа съ Сумеономъ во храмъ, торжественно приходимъ на Иорданъ съ Іоанномъ, таинственно восходимъ на Фаворъ съ Моисеемъ и Іиліей,—то съ радостнымъ „осанна!“ на устахъ, то съ скорбнымъ оружіемъ въ сердцѣ мы совосходимъ со Христомъ въ Іерусалимъ на вольныя страданія, бия себя въ перси слѣпшимъ на страшную Голгоѳу, съ радостною надеждою въ сердцѣ течемъ съ мучениками ко Гробу, съ вели-

кимъ чаяніемъ восходимъ съ Апостолами на Елеонъ и, наконецъ, съ полнымъ христіанскимъ утѣшеніемъ торжественно ожидаемъ въ Іерусалимской горницѣ Божественнаго обѣтованія свыше“ (стр. 194).

„Когда въ морозный рождественскій вечеръ увидишь на небѣ прекрасное сіяніе восходящаго Спиріуса, такъ и кажется, что это сама Вифлеемская звѣзда показываетъ намъ Солнце правды... На утро церковная служба полагается „порану“,—и вѣрующіе пріуготованнымъ и предпочтеннымъ смысломъ спѣвать въ храмъ задолго до дневнаго свѣта встрѣчать Того, Кто прежде денницы родился отъ Отца, а теперь возлежитъ насъ ради въ ясляхъ Вифлеемскихъ“ (стр. 224).

„Минуетъ Великая Суббота... Спасительное Солнце правды двоеденствуетъ во гробѣ... Солнце, утвержденное Имъ на тверди небесной, хочетъ познать западъ свой, но предъ захоженіемъ оно на минуту заглядываетъ въ открытыя двери церковныя и радостно играетъ на украшеніяхъ площади, какъ бы прося благословенія Солнца правды окончить дневной путь субботы и засвѣтить завтра радостный день Воскресенія“ (стр. 253).

Подобныхъ страницъ въ сочиненіи можно указать не мало. Конечно, допустимо сомнѣніе въ умѣстности всего этого краснорѣчія въ научномъ сочиненіи, но несомнѣнно авторъ обнаруживаетъ себя какъ хорошаго стилиста съ поэтическими склонностями. Кромѣ того, гдѣ нужно авторъ умѣетъ вѣдь говорить и строгимъ языкомъ науки, отъ котораго граціи стоятъ въ почтительномъ отдаленіи.

Необходимо отмѣтить нѣкоторые частные недостатки сочиненія.

Въ предисловіи авторъ невѣрно характеризуетъ свою же собственную работу. Онъ не скрываетъ своего нѣсколько скептическаго отношенія къ наукѣ. „Высшая литургика, пишетъ онъ, занимается исторіей пѣснопѣній, ихъ языкомъ, научной филологіей,—но все это—область сухого, *истинно-научнаго* вѣдѣнія, кажется мало кому интересная и во всякомъ случаѣ нисколько не затрагивающая живыхъ струнъ вѣрующаго христіанскаго сердца“ (стр. 5). „Сухому ученому человѣку съ холодной рефлексіей“ предлагается отойти подальше отъ предмета авторскаго изслѣдованія (стр. 12). О себѣ же авторъ пишетъ: „мы имѣемъ въ виду разсматривать

предметъ нашей работы не съ формально-логической, но, главнымъ образомъ, съ его интимно-внутренней, идейно-существенной, творчески психологической стороны, со стороны внутренняго постиженія предмета, а не его внѣшняго опредѣленія“ (стр. 8). Этимъ авторъ какъ будто обѣщаетъ идти въ своемъ сочиненіи совершенно мимо науки. На самомъ же дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то. Авторъ, самъ себѣ противорѣча, все-же самъ себя поправляетъ къ лучшему. Въ концѣ предисловія онъ уже обѣщаетъ изслѣдовать идею спасенія „со стороны ея *логической сущности*, въ смыслѣ выясненія ея главныхъ сотеріологическихъ понятій“, такъ что „первая часть сочиненія будетъ имѣть въ виду по преимуществу сотеріологическія *понятія*, и по содержанию будетъ имѣть характеръ *объективно-логическій*“ (стр. 60). И слава Богу, что авторъ совершенно забылъ выраженный на стр. 8 отказъ разсматривать предметъ своей работы съ формально-логической стороны. Разсматривая взятый имъ предметъ съ этой именно стороны, авторъ написалъ большую и, какъ уже сказано, лучшую первую часть своего сочиненія, которая имѣетъ вполнѣ научный характеръ. Здѣсь рѣчь идетъ не о „внутреннемъ постиженіи предмета“, а именно объ его „внѣшнемъ опредѣленіи“, отъ чего авторъ такъ откровенно высказался въ началѣ предисловія. Въдѣ здѣсь цѣлыя отдѣлы посвящены изслѣдованію терминологіи богослужебной сотеріологіи и дается сравненіе ея съ терминологіей древне-отеческой (стр. 152—154). Въдѣ что такое все это, какъ не „внѣшнее опредѣленіе“ идеи спасенія именно „съ формально-логической стороны“! Начиная вторую часть своего сочиненія, о. Архангельскій пишетъ: „Въ первой части нашего сочиненія мы разсмотрѣли на основаніи церковно-богослужебнаго содержанія дванадцятихъ праздниковъ логическую сущность идеи христіанскаго спасенія, разложивъ эту идею на ея составныя сотеріологическія понятія“ (стр. 185). Характеристика первой части сочиненія довольно вѣрная, но она совсѣмъ отрицаетъ ту несоответствующую дѣйствительности характеристику всего сочиненія, которую дѣлаетъ его авторъ въ началѣ предисловія. Вообще у автора можно наблюдать наряду со способностью дѣлать ошибки похвальную привычку скоро хотя и безсознательно исправляться, оставляя впрочемъ ошибки и поправки мирно сто-

ять вмѣстѣ другъ съ другомъ на сосѣднихъ страницахъ сочиненія. На стр. 41 время жизни св. Іоанна Дамаскина—8 вѣкъ,—вопреки исторіи и учебникамъ патрологіи, называется эпохой расцвѣта святоотеческой письменности и важнѣйшимъ періодомъ христіанской Церкви. Но черезъ три строки, хотя и на слѣдующей уже страницѣ, про Іоанна Дамаскина говорится та истина, что онъ „весь жилъ въ сферѣ церковно-богословскаго, святоотеческаго наслѣдія предыдущихъ вѣковъ, которое онъ живо воспринялъ, полно (?) систематизировалъ и талантливо претворилъ въ своемъ личномъ догматическомъ творествѣ“. Давая на стр. 57 опредѣленіе христіанскаго спасенія, авторъ про человѣка спасающагося говоритъ, что онъ „черезъ Христа Спасителя становится дѣйствительнымъ причастникомъ жизни Божественной, даруемой въ Церкви, и здѣсь усвершеніемъ свое богосыновнее самознаніе, пока не растворится своимъ духовнымъ существомъ въ жизни Божественной“. Мысль несомнѣнно и явно пантеистическая. Но было-бы очень несправедливо автора, православнаго священника, причислять къ пантеистамъ: на слѣдующей же страницѣ у него о христіанскомъ спасеніи говорится, что оно вовсе не есть „окончательное нравственное успокоеніе и блаженство нирваны,—пѣтъ, это есть вѣчно дѣятельный, никогда не прекращающійся процессъ безконечнаго нравственнаго совершенствованія, богоуподобленія по слову Спасителя: „Будите совершенны, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“. Пантеистическая мысль, выраженная на стр. 57, на 58 уничтожена, какъ видимъ, совершенно и безвозвратно.

Принимая во вниманіе всѣ указанная достоинства и отмѣченные недостатки сочиненія свящ. Леониды Архангельскаго, нельзя не видѣть, что первыя несравненно важнѣе вторыхъ. Сочиненіе написано на очень интересную и важную тему. Литургическій догматическій матеріалъ не только въ изобиліи собранъ, но и вполне научно изслѣдованъ даже въ его отношеніи къ сокровищамъ святоотеческой мысли. Авторъ показалъ свою освѣдомленность съ повѣнней богословской научной литературой и все сочиненіе написать хорошимъ литературнымъ стилемъ. Все это вмѣстѣ взятое заставляеть рецензента разсмотрѣнное сочиненіе одобрить, а автора его, священника Леониды Архангельскаго, признать

выполнѣ достойнымъ степени кандидата богословія. Рецензентъ первый весьма былъ бы радъ, если-бы прочитанное имъ въ рукописи сочиненіе, особенно его первую часть, увидѣлъ напечатаннымъ“.

5) О сочиненіи студента священника *Безсонова Николая* на тему: „Святый Димитрій Ростовскій какъ пастырь“.

а) Ректора Академіи *Епископа Осодора*:

„Сочиненіе священника Безсонова и по своему плану и по выполненію этого плана производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Видна у автора способность намѣчать въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ, а равно и во всей задачѣ своего труда, самыя точныя и опредѣленныя рамки для рѣшенія и въ самомъ рѣшеніи его улавливать и отбѣнять существо дѣла. Личность Великаго Святителя Русской Церкви, его жизнь и пастырская дѣятельность разсматриваются авторомъ на фонѣ того состоянія русской церковной и гражданской жизни, въ какое поставила ихъ эпоха Петра Великаго. Вотъ почему и сочиненіе начинается хотя и краткою, но весьма мѣткой и опредѣленной характеристикой настроенія нашего общества въ эпоху реформъ Петра Великаго (1 гл. стр. 7—22). Далѣе біографія и характеристика личности Святителя Димитрія въ трудѣ автора (2 и 3 гл.), исполнѣ естественно предваряя описаніе его пастырскихъ трудовъ, имѣютъ то несомнѣнное достоинство, что, не утомляя читателя мелочами и подробностями изъ жизни Святителя, рисуютъ его обликъ живо и характерно для Святителя. Авторъ самъ и исполнѣ справедливо говоритъ въ началѣ 2-й главы своего труда, что въ виду такихъ обстоятельныхъ трудовъ о личности Святителя Димитрія, какъ трудъ проф. И. А. Шляпкина „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, ему (автору) „слѣдуетъ ограничиться краткимъ указаніемъ самыхъ выдающихся моментовъ и обстоятельствъ изъ жизни святителя, которые болѣе всего подготовляли его къ великому святительскому служенію“ (стр. 23—24). Вотъ почему авторъ, останавливаясь вниманіемъ на „малороссійскомъ“ періодѣ жизни Святителя (съ 1651—1700), беретъ изъ этого періода жизни только то, что дѣйствительно характерно и существенно въ смыслѣ подготовки Свят. Димитрія къ его па-

стырскому служенію въ Великороссіи: напр. обученіе въ Кіевской Академіи, постриженіе въ монашество, должность проповѣдника при кафедрѣ Черниговскаго Святителя Мазаря Барановича, труды въ Литвѣ, давшіе ему возможность познакомиться основательно съ католическимъ ученіемъ, съ польскимъ языкомъ и пр. (стр. 25—43). Правда намъ кажется, что авторъ нѣсколько излишне подробно въ началѣ 2-й главы говоритъ объ учебномъ планѣ въ Кіевской Академіи времени Святителя Димитрія, хотя быть можетъ и съ добрымъ намѣреніемъ—показать серьезность того образованія, какое Святитель могъ получить въ Кіевской Академіи.

Разсматривая пастырскую дѣятельность Святителя Димитрія въ качествѣ Ростовскаго Архипастыря (2-я часть сочиненія, гл. 4—8), авторъ для удобства обозрѣнія сложной пастырской дѣятельности отдѣльно говоритъ о дѣятельности Святителя Димитрія по отношенію къ духовенству Ростовской епархіи (гл. 4), по отношенію къ мірянамъ (гл. 5), отдѣльно говоритъ о литературной дѣятельности Святителя (6 гл.), о миссіонерской (7 гл.) и объ отношеніи его какъ Архипастыря къ реформамъ Петра В. (8 гл.). Благодаря такому плану авторъ имѣлъ возможность всесторонне обнять пастырскую дѣятельность Св. Димитрія и обрисовать его обликъ и чисто-пастырскій, и административный, и даже литературный (7 гл.) и общественный (8 гл.). Съ интересомъ читается у автора о томъ, какъ подъ влияніемъ проповѣдей, пастырскихъ посланій, школы и мѣръ административнаго характера со стороны Св. Димитрія Ростовское духовенство его епархіи воспитывалось въ сознаніи величія своего служенія.

. Драгоценны и тѣ приемы пастырскаго душепопеченія Святителя, которыми окормлялась и созидалась его паства и которыя служатъ у автора прекрасной характеристикой живаго облика Святителя. Такъ все у автора и въ дальнѣйшихъ строкахъ его сочиненія, когда онъ говоритъ о литературной дѣятельности Святителя, объ его противораскольнической миссіонерской дѣятельности, объ отношеніи его къ реформѣ Петра В., приспособлено къ тому, чтобы какъ можно ярче обрисовать плѣнительный по духовной красотѣ пастырскій обликъ Святителя Димитрія. И нужно сказать,—это вполне удалось автору. Весьма значительное количество прочитаннаго матеріала и литературы о Святителѣ Димитріи не заслонили

предъ взоромъ автора живого пастырскаго облика Святителя и въ возсозданіи этого живого полного пастырскаго облика заключается главная заслуга труда автора и его цѣнности на ряду съ другими подобными трудами. Въ качествѣ нѣкоторыхъ недочетовъ труда можемъ указать автору развѣ на нелитературность нѣкоторыхъ выраженій, встрѣчающихся по мѣстамъ въ его сочиненіи; напр. на стр. 138 говоря о тѣхъ „средствахъ“, кои Святитель Димитрій употреблялъ для удержанія возрожденнаго грѣшника на пути спасительномъ, авторъ замѣчаетъ: „Эти средства поражаютъ отеческой близостью пастыря къ грѣшнику“... Есть и еще нѣкоторыя неясныя выраженія, напр. на стр. 211-й.

Но эти недостатки чисто внѣшняго характера и внутреннихъ достоинствъ сочиненія они не умаляютъ. Степени кандидата за свое сочиненіе авторъ вполне заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Звѣзда Россійская отъ Кіева возсіявшая“—Святитель Димитрій Ростовскій является выдающеюся историческою личностію и не потому только одному, что онъ былъ современникомъ преобразователя Россіи—Петра I, умѣвшимъ цѣнить лучшее въ новыхъ преобразованіяхъ и открыто осуждать то, что мѣшало религіозно-нравственному преуспѣванію русскаго общества, а также и потому, что онъ былъ зоркимъ и ревностнымъ архипастыремъ, умѣвшимъ врачевать нравственные недуги современниковъ. Разныя нестроенія въ религіозно-нравственной жизни, недовольства въ средѣ раскольниковъ, вліяніе запада—и не однимъ только благотворнымъ образомъ—все это обязывало архипастыря того времени полагать „душу свою за овцы своя“. И это дѣлалъ святитель Димитрій.

На архипастырское душепопеченіе Ростовскаго святителя и обращаетъ свое, и нужно сказать серьезное, вниманіе о. Безсоновъ. Онъ разсматриваетъ въ отдѣльности—кратко Малороссійскій періодъ (1651—1700 г.) жизнедѣятельности святителя и—болѣе обстоятельно его широкую пастырски-назидательную, богословско-просвѣтительную и противораскольническую дѣятельность въ Ростовскомъ краѣ.

Выясняя свои взгляды на значеніе личности святителя Димитрія Ростовскаго въ указанномъ отношеніи, авторъ имѣлъ передъ собою довольно обстоятельныя работы („Свя-

титедь Димитрій Ростовскій“, 1849 г.; соч. профессора Шляпкина. 1891; Попова, 1909 г.—юбилейное издание и др.), такъ что общая исторія, на фонѣ которой онъ разсматривалъ личность святителя Димитрія, съ интересующей его стороны не предлагала ему какихъ либо сложныхъ вопросовъ для разрѣшенія. Этимъ объясняется, главнымъ образомъ, то, что мы и не можемъ указать какихъ либо крупныхъ недочетовъ въ его работѣ.

Пользуясь собранными уже матеріалами, онъ умѣло располагаетъ его и съ большимъ пониманіемъ дѣла извлекаетъ нужныя для него справки.

Степени кандидата о. Безсоновъ вполне заслуживаетъ“.

в) О сочиненіи студента *Богоявленскаго Сергія* на тему: „Исторія борьбы христіанской власти съ язычествомъ (отъ начала IV вѣка до окончательной побѣды надъ язычествомъ)“.

а) Ординарнаго профессора *А. А. Спасскаго*:

„Объемистое сочиненіе Сергія Богоявленскаго „Исторія борьбы христіанской власти съ язычествомъ (отъ начала IV вѣка до окончательной побѣды надъ язычествомъ)“ можетъ быть изложено только въ общихъ чертахъ. Предваривъ свое сочиненіе введеніемъ, авторъ въ первой главѣ занимается опредѣленіемъ политическаго положенія религіи въ римской имперіи, доходившаго до полного подчиненія ея государству, и раскрываетъ возрѣнія христіанства на свободу религіи и независимость ея отъ внѣшней власти. Подъ воздѣйствіемъ этихъ двухъ факторовъ и изображается имъ весь процессъ борьбы христіанскаго государства съ язычествомъ. Въ первой главѣ предлагается очеркъ отношенія къ языческому культу Константина Великаго и его сыновей (86—331). Вторая часть имѣетъ своимъ предметомъ изученіе положенія язычества отъ имп. Юліана, кончая Валентомъ (333—460), третья часть простирается отъ времени Граціана и Феодосія Великаго до Юстиніана включительно, при чемъ каждая часть распадается на нѣсколько главъ. Каждый государственный дѣятель, стоящій во главѣ имперіи, разсматривается со стороны всѣхъ своихъ распоряженій и узаконеній, какими онъ заявилъ о себѣ въ отношеніи къ язычеству, при чемъ каждое изъ этихъ законоположеній обсуждается съ точки

зрѣнія политической и христіанскихъ требованій и опредѣляется ихъ практическое значеніе. Авторъ шелъ по готовой почвѣ; вопросъ, надъ которымъ онъ работалъ, почти исчерпанъ въ западной литературѣ: ему предстояла задача ознакомиться съ этой литературой детально и такъ или иначе примирить или разобрать противоположныя сужденія, высказанныя въ ней о томъ или другомъ дѣятелѣ. Эту задачу онъ исполнилъ въ совершенствѣ, хотя на точную цитацию авторъ скупъ. Не смотря на сложность вопроса и разнообразіе матеріала, предлежавшаго его изученію, онъ о каждомъ обсуждаемомъ имъ историческомъ дѣятелѣ обладаетъ достаточными свѣдѣніями и сообщаетъ ихъ въ такой полнотѣ, больше которой и желать не слѣдуетъ.

Недостатками сочиненія являются: довольно растянутая рѣчь, частыя обсужденія одного и того же вопроса, хотя въ различныхъ комбинаціяхъ, и главнымъ образомъ неправильныя сужденія о юридическомъ значеніи нѣкоторыхъ узаконеній императоровъ касательно язычества, которыя поражаютъ своей неосновательностью и неожиданностью. Обсуждая Миланскій эдиктъ Константина и Лицінія 312 г., авторъ совершенно правильно утверждаетъ, что здѣсь объявлено равноправіе всѣхъ религій, полная религіозная свобода. На стр. 132 видимъ: „древняя національная религія *отмѣнена* была Миланскимъ эдиктомъ, язычество потеряло свое *государственное* значеніе. 151 стр.: „язычество считается имъ позорнымъ заблужденіемъ, его обряды ничто иное, какъ суевѣріе“. Это или намѣренная поддѣлка или сознательная ложь. Въ цитируемомъ имъ мѣстѣ кодекса Феодосія рѣчь идетъ о тайныхъ дивинаціяхъ, послѣдовательно запрещаемыхъ всѣми императорами ¹⁾, и не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей мысли о запрещеніи всего языческаго культа, къ чему насильственно стремится авторъ, искажая подлинный текстъ эдикта (вмѣсто *sacrificiis domestica abstinentur,—religio domestica*). И это въ примѣненіи къ Константину Великому, который особыми законами позволялъ общественныя гаруспіиціи, наканунѣ своей смерти издалъ законъ, предоставляя каждому свободно вѣрить въ то, чего хочетъ душа (Eus. V. С. 56. ср. 60) и особымъ эдиктомъ подтвердилъ привилегіи жрецовъ Африки. Это христіанское многочисленное населеніе сдѣлало, повидимому,

¹⁾ *quae specialiter prohibita sunt* (XVI, 10).

попытку лишить ихъ законныхъ правъ, при чемъ законъ этотъ утверждался навѣчно (*perpetua observatione*), для чего и повелѣвалось вырѣзать его на мѣдныхъ доскахъ (*Cod. Theod. XII, 1. 2*).

Было бы очень долго воспроизводить все эти недочеты сочиненія г. Богоявленскаго въ оцѣнкѣ юридическихъ узаконеній, издаваемыхъ римскими императорами противъ язычества. Достаточно двухъ-трехъ примѣровъ. Оцѣнивая законодательство императора Констанція, авторъ, опираясь на Буасье, такъ характеризуетъ положеніе язычества въ имперіи Констанція: язычники занимаютъ при его управленіи то же юридическое положеніе, какое занимали въ римской имперіи христіане (т. е. подвергаются преслѣдованію). Но извѣстный ораторъ Симмахъ, современникъ Констанція, конечно зналъ лучше тогдашнее положеніе язычниковъ, чѣмъ французскій ученый: „этотъ императоръ—говоритъ онъ,—оставилъ неприкосновенными привилегіи дѣвственныхъ весталокъ; онъ роздалъ жреческія должности знатымъ римлянамъ, приказалъ попрежнему выдавать деньги на покрытіе расходовъ, сопряженныхъ съ публичными праздниками, и, хотя перешелъ въ другую вѣру, онъ никогда не пытался лишить подданныхъ имперіи ихъ древняго священнаго культа“. Да и самъ авторъ, начиная IV часть сочиненія, выражается такъ: „правовое положеніе язычества въ римской имперіи, какъ засталъ его Граціанъ (конецъ IV вѣка), не смотря на всю 50-лѣтнюю борьбу съ нимъ, осталось совершенно неизмѣннымъ; въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи оно продолжало пользоваться всеми тѣми правами и привилегіями, какими оно пользовалось и при языческой власти“. Вотъ quasi — юридическіе фокусы, какіе выдѣлываетъ г. Богоявленскій.

Степени кандидата богословія онъ заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Сочиненіе г. Богоявленскаго полно и всесторонне охватываетъ предметъ изслѣдованія. Во вступительныхъ главахъ авторъ выясняетъ правовое положеніе религіи въ римскомъ государствѣ и господствующія въ немъ представленія объ отношеніи государственной власти къ религіозной совѣсти

подданныхъ. Въ противоположность этимъ воззрѣніямъ онъ излагаетъ ученіе христіанскихъ писателей о вѣрѣ какъ дѣль свободы, независимомъ отъ внѣшняго принужденія. Переходя отъ этого вступительнаго трактата къ главной части своей работы, авторъ распредѣляетъ историческій матеріалъ въ трехъ отдѣлахъ. Первый даетъ очеркъ отношенія къ языческому культу Константина и его сыновей, второй обнимаетъ религіозную политику Іовіана, Валентина и Валента, а третій содержитъ изслѣдованіе о борьбѣ христіанской власти съ язычествомъ отъ Θεодосія Великаго до Юстиніана включительно. Основную мысль автора можно выразить въ краткихъ словахъ: государственная власть, ставъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ христіанской, сохранила вѣрность юридической традиціи античнаго государства и, подчиняясь ей, выступала противъ язычниковъ съ мѣрами внѣшняго религіознаго принужденія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда политическія соображенія и реальное соотношеніе силъ въ обществѣ допускали такое выступленіе. Съ этимъ, почти общепринятымъ тезисомъ, нельзя, конечно, не согласиться, но автору все же слѣдовало бы болѣе выдвинуть и другой факторъ. Христіанскіе императоры перѣдко направляли свой мечъ противъ язычниковъ, побуждаемые собственно религіозною ревностью или подъ вліяніемъ возбужденій, исходившихъ изъ среды христіанскаго общества. Патристическая литература содержитъ въ себѣ много указаний на этотъ счетъ. Внѣ этого пробѣла вопросъ разсмотрѣнъ авторомъ, какъ было сказано, полно. Онъ подвергаетъ подробному анализу законодательство императоровъ, приводитъ различные взгляды изслѣдователей на значеніе того или другого эдикта и хорошо ориентируется въ этихъ ученыхъ спорахъ. Для ознакомленія съ обширною литературой источниковъ и пособій авторъ потратилъ не мало труда и стараній. Не со всѣми его выводами въ частностяхъ можно согласиться, но это не умаляетъ достоинствъ кандидатской работы автора. Къ сожалѣнію его сочиненіе не чуждо одного недостатка формальнаго характера: ему не достаетъ послѣдней редакціи. Если бы авторъ еще разъ пересмотрѣлъ свою рукопись, то по всей вѣроятности удалилъ бы излишнее многословіе, замѣтное особенно въ первыхъ главахъ, и встрѣчающіяся кое-гдѣ повторенія.

Въ-общемъ сочиненіе можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ и достаточнымъ для присужденія г. Бого-явленскому степени кандидата богословія“.

7) О сочиненіи студента *Брянцева Леоніда* на тему: „Проповѣдь челоѣческаго достоинства въ русской литературѣ Екатерининской эпохи“.

а) И. д. доцента *Н. Т. Туницкаго*:

„По содержанію сочиненіе раздѣляется на двѣ почти равныя части. Первая изъ нихъ посвящена общей характеристикѣ русской литературы Екатерининской эпохи (стрр. 6—131); вторая — разсмотрѣнію собственно тематическаго вопроса (131—290). Вопросъ о цѣнности челоѣческой личности, занимавшій очень видное мѣсто въ литературѣ Екатерининской эпохи, по мысли автора, освѣщался здѣсь преимущественно съ трехъ точекъ зрѣнія: религіозной, нравственной и жизненно-практической. Въ сочиненіи нѣтъ общаго опредѣленія понятія достоинства челоѣческой личности, и это понятіе постоянно колеблется и измѣняется въ зависимости отъ матеріала, съ которымъ имѣетъ дѣло авторъ. Религіозная цѣнность челоѣческой природы, какъ находитъ авторъ, вдохновляла Державина, а также дѣятелей такихъ журналовъ, какъ „Утренній свѣтъ“, „Вечерняя заря“. „И то и сѣ“. Признаніе высокихъ правъ челоѣческой личности съ нравственной точки зрѣнія авторъ находитъ въ сочиненіяхъ Екатерины, Фонвизина, Державина, Новикова и др., не вполне, впрочемъ, искусно объединяя извлеченный отсюда матеріалъ. Подъ „жизненно-практическимъ рѣшеніемъ вопроса о достоинствѣ личности“ онъ разумѣетъ „проповѣдь гуманности, широкими стоками разлившуюся (?) по литературѣ той эпохи, горячую, искреннюю защиту низшихъ классовъ отъ высшихъ, соболѣзнованіе участи крестьянъ, проповѣдь уваженія къ наукѣ и писателямъ, къ обществу, къ правамъ народа и многое другое (?“.

Стр. 191. Такую проповѣдь онъ находитъ и въ „Наказѣ“ и др. сочиненіяхъ самой Екатерины, и въ журналахъ „Трутень“, „Живописецъ“. „И то и сѣ“, и въ сочиненіяхъ Фонвизина, и въ знаменитомъ „Путешествіи“ Радищева, при чемъ съ особеннымъ внима-

ніемъ онъ останавливается на освѣщеніи въ Екатерининской литературѣ крестьянскаго вопроса.

И по своему общему характеру, и по своимъ частнымъ свойствамъ сочиненіе г. Брянцева должно быть отнесено къ разряду тѣхъ блѣдныхъ студенческихъ работъ, которыя, не заключаая въ себѣ ни оригинальности мыслей, ни смѣлаго и самостоятельнаго обращенія съ матеріаломъ, ни увлекательности изложенія, представляютъ собою болѣе или менѣе удачную компиляцію готоваго матеріала, заимствованнаго изъ пособій и сгруппированнаго подъ вліяніемъ готовыхъ, извнѣ данныхъ, точекъ зрѣнія на него. Характеристика литературы Екатерининской эпохи, составляющая первую половину сочиненія, почти вся состоитъ изъ повторенія достаточно общеизвѣстныхъ фактовъ и ихъ объясненій, которыя можно найти въ любомъ учебникѣ по исторіи литературы. Нѣсколько выше должна быть оцѣнена вторая половина. Но и здѣсь вниманіе автора безпомощно прислонилось къ уже собраннымъ до него фактамъ и обобщеніямъ по интересующему его вопросу, и онъ рабски слѣдуетъ за своими авторитетами, включая сюда даже учебникъ Галахова, не давая ни одного своего наблюденія, не привлекая къ дѣлу новаго матеріала, не заинтересовывая читателя новыми мыслями. Между тѣмъ предложенная тема открывала передъ авторомъ широкое поле для самостоятельныхъ наблюденій и наталкивала его главнымъ образомъ на сравнительное изученіе литературныхъ фактовъ, въ которыхъ выразилась проповѣдь челоуѣческаго достоинства. Вѣдь необычайно возбужденный интересъ въ русской литературѣ разсматриваемой эпохи къ правамъ челоуѣка былъ результатомъ не столько экономическихъ или соціальныхъ отношеній, сколько вліянія со стороны просвѣтительной филозофій, ученія Руссо, идей „естественнаго права“, широкой волной наводнившихъ въ вѣкъ Екатерины русскую литературу до лирики включительно. Этими вліяніями объясняется вниманіе русскихъ писателей къ „челоуѣку“, какъ въ отвлеченномъ смыслѣ этого слова, такъ и въ конкретномъ,—къ челоуѣку—представителю извѣстнаго класса и носителю извѣстнаго положенія. Еслибы авторъ подъ этимъ угломъ зрѣнія посмотрѣлъ даже на „Путешествіе“ Радищева, онъ не только отмѣтилъ бы въ немъ вліяніе идей „естественнаго права“, но могъ бы даже найти

для него любопытныя параллели въ западной литературѣ. Впрочемъ, подробно говорить о недостаткахъ сочиненія это значить попутно открывать виды и чертить планъ для новой работы на эту тему...

Но разсматривая сочиненіе г. Брянцева, какъ непретенціозную по замыслу, но все-же трезвую по задачѣ и исполненію, студенческую работу, слѣдуетъ признать ее нелишненною и нѣкоторыхъ положительныхъ свойствъ. Во всемъ сочиненіи наблюдается послѣдовательность мысли и единство плана. Не открывая новыхъ горизонтовъ, сочиненіе подводитъ итогъ тому, что по данному вопросу въ отрывочномъ видѣ уже сдѣлано въ разныхъ изданіяхъ. Изложеніе— отчетливое. Стилъ, хотя и носитъ на себѣ по мѣстамъ черты какой-то особенной наивности, въ общемъ долженъ быть признанъ правильнымъ и грамотнымъ. Наконецъ, въ заслугу автору слѣдуетъ поставить и воодушевленное отношеніе къ предмету своего труда.

Въ виду этихъ положительныхъ свойствъ сочиненія не будетъ несправедливостью признаніе автора заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *П. П. Соколова*:

„Проповѣдь человѣческаго достоинства въ русской литературѣ Екатерининской эпохи возникла съ одной стороны подъ вліяніемъ идей французскихъ энциклопедистовъ и теоретиковъ естественнаго права, съ другой — вслѣдствіе пробужденія національнаго самосознанія въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Форма, въ которую вылилась эта проповѣдь, была тройкая. Одни писатели, наприм. Державинъ, пытались обосновать идею человѣческаго достоинства съ религіозной точки зрѣнія, выводя ее изъ христіанскаго ученія о человѣкѣ, какъ образѣ Божіемъ. Другіе, какъ наприм. сама императрица Екатерина, разсматривали ее преимущественно съ точки зрѣнія нравственной, исходя изъ философскаго убѣжденія въ самостоятельной цѣнности человѣческой личности. Наконецъ, третьи, особенно Новиковъ и Радищевъ, рѣшали эту проблему съ точки зрѣнія жизненно-практической, проповѣдая идеи гражданскаго равенства и осуждая крѣпостное право. Таково въ общихъ чертахъ несложное содержаніе сочиненія г. Брянцева. Оцѣнивать это сочиненіе

какъ ученый трудъ было-бы невозможно. Въ немъ нѣтъ ни самостоятельныхъ пріемовъ изслѣдованія, ни новыхъ фактовъ, ни новыхъ наблюдений. Это типичная студенческая компиляція, излагающая чужія мысли своими и чужими словами. Авторъ отмѣчаетъ общее вліяніе французской философіи на литературу Екатерининскаго времени, но почти не пытается вскрыть слѣды этого вліянія въ произведеніяхъ тѣхъ писателей, о которыхъ у него идетъ рѣчь. Онъ подчеркиваетъ религіозные мотивы въ размысленіяхъ Державина о человѣкѣ, но не догадывается поставить ихъ въ связь съ личною душевною драмой этого писателя. Онъ не разъ повторяетъ, что русская литература второй половины XVIII столѣтія была отраженіемъ современной ей общественной жизни, но для читающаго остается неяснымъ, въ какой мѣрѣ могла быть такимъ отраженіемъ литература, возникшая на почвѣ иноземныхъ вліяній и шедшая далеко впереди своего вѣка. Единственнымъ плодомъ личнаго творчества г. Брянцева является схема тѣхъ трехъ направленій, въ которыхъ развивалась, по его мнѣнію, проповѣдь человѣческаго достоинства въ Екатерининскую эпоху; но логическая и прагматическая цѣнность этой схемы довольно сомнительна. „Детально разграничить“ религіозную точку зрѣнія отъ нравственной у писателей Екатерининскаго времени очень трудно, а указать какое-нибудь различіе между нравственною оцѣнкой человѣческой личности и тѣмъ, что авторъ называетъ „жизненно-практическимъ“ пониманіемъ ея, и совсѣмъ нельзя.

Такимъ образомъ, къ работѣ г. Брянцева нельзя предъявлять строгихъ научныхъ требованій. Ее приходится разсматривать лишь какъ простое студенческое „курсовое сочиненіе“ и въ этомъ смыслѣ она не лишена нѣкоторыхъ положительныхъ качествъ. Авторъ въ достаточной степени ознакомился съ важнѣйшими литературными памятниками вѣка Екатерины и еще лучше усвоилъ относящуюся къ нимъ литературу новѣйшихъ пособій. Если принятая имъ схема трехъ направленій въ пониманіи личности у писателей этого времени не имѣетъ внутренней цѣнности, то съ внѣшней стороны она отразилась на его работѣ очень благоприятно: она дала ей ясный, стройный и систематичный планъ. Наконецъ, если оставить въ сторонѣ обиліе повтореній и нѣ-

которыя неудачныя выраженія, сочиненіе г. Брянцева написано довольно складно, живо и литературно. Степени кандидата авторъ заслуживаетъ“.

8) О сочиненіи студента *Введенскаго Ивана* на тему: „Исправительныя и карательныя мѣры, практиковавшіяся въ духовномъ вѣдомствѣ въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ.“

а) И. д. доцента *Н. Д. Кузнецова*:

„Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ указываетъ источники, которыми онъ пользовался и въ которыхъ, по его мнѣнію, вопросъ объ исправительныхъ и карательныхъ мѣрахъ въ теченіе XVIII и XIX вѣка „разобранъ въ извѣстный періодъ времени болѣе или менѣе по частямъ“... Поэтому авторъ не нашелъ особенной надобности въ самостоятельной его разработкѣ и счелъ наиболѣе цѣлесообразнымъ свести въ одно, какъ результаты изслѣдованій съ пополненіемъ ихъ отмѣченными авторомъ фактами, такъ и предположить имъ свои собственныя критико-аналитическія замѣчанія главнымъ образомъ въ установленіи органической системы церковныхъ наказаній, въ опредѣленіи понятій объ исправительныхъ и карательныхъ мѣрахъ въ связи съ исторіей развитія церковно-карательнаго права.

Сообразно съ этой задачей авторъ посвящаетъ первую главу общему раскрытію понятія объ исправительныхъ и карательныхъ мѣрахъ въ связи съ исторіей развитія церковно-карательнаго права.

Если вопросъ идетъ о церковныхъ наказаніяхъ, то для наилучшаго его освѣщенія казалось бы необходимо было установить понятіе о Церкви и отношеніе къ нему понятія наказанія, а затѣмъ прослѣдить, подъ воздѣйствіемъ какихъ факторовъ образовалось то, что практиковалось въ XVIII и XIX вѣкахъ подъ названіемъ церковнаго наказанія. Въ этомъ отношеніи автору особенно слѣдовало обратить вниманіе на обнаружившееся въ этой области вліяніе государства и вообще на отношенія Церкви и государства, какъ они сложились въ Россіи въ XVIII и XIX вѣкахъ. Тогда устанавливаемые авторомъ понятія исправительныхъ и карательныхъ мѣръ выступили бы яснѣе и можетъ быть ему не понадобилось бы непременно включать всѣ церковныя наказанія.

въ эти двѣ категоріи, заимствуемая изъ уголовного права относящагося къ области государства. Не сдѣлавъ всего этого, г. Введенскій въ первой главѣ пытается однако установить органическую систему церковныхъ наказаній и ихъ цѣль, исключительно выбирая разныя мѣста изъ прочитанныхъ имъ сочиненій по данному вопросу. Конечно, такой способъ разсмотрѣнія вопроса не достигаетъ цѣли.

Приводимыя авторомъ свои соображенія и ссылки на разныя сочиненія производятъ впечатлѣніе, что онъ не вполне продумалъ собранный имъ матеріалъ и оперировалъ съ нимъ безъ достаточно ясныхъ юридическихъ понятій, на которыя однако авторъ думалъ опираться.

Этотъ недостатокъ сочиненія г. Введенскаго, конечно, во многомъ объясняется сравнительно малою разработкой принципиальной стороны вопроса о церковныхъ наказаніяхъ въ литературѣ церковнаго права вообще и въ частности въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыми пользовался авторъ.

Г. Введенскій утверждаетъ, наприм., что только карательныя мѣры могутъ примѣняться къ свѣтскимъ членамъ Церкви, и всякое наказаніе, опредѣленное церковнымъ судомъ свѣтскому лицу за извѣстное церковное преступленіе, всегда только карательнаго или vindикативнаго характера.

Но такое утвержденіе не только не вѣрно по существу, но и не вытекаетъ даже изъ того, что говоритъ въ другихъ мѣстахъ самъ авторъ. Вообще, если авторъ признаетъ возможность карательнаго или vindикативнаго начала въ церковныхъ наказаніяхъ, то ему надлежало поставить это въ ясную связь съ самымъ понятіемъ о Церкви. Ему нужно было указать, въ какой мѣрѣ Церковь можетъ реагировать путемъ наказанія на причиненный ей объективный вредъ и въ какомъ отношеніи все это должно стоять къ субъективному настроенію нарушителя порядковъ и правилъ церковной жизни.

Пока этого не сдѣлано, сущность и задачи церковныхъ наказаній останутся для насъ неясными, что и нужно сказать относительно всей первой главы сочиненія г. Введенскаго.

Слѣдующія главы, гдѣ авторъ разсматриваетъ церковныя наказанія, въ отношеніи самаго факта ихъ употребленія и ихъ исторіи, изложены лучше. Въ нихъ авторъ обнаружилъ

ваетъ прилежное изученіе соответствующаго матеріала на основаніи, наприм., такихъ первоисточниковъ, какъ Собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія.

Но въ этой части сочиненія, естественно, сказалось вліяніе недостаточнаго освѣщенія вопроса въ связи съ тѣми фактическими отношеніями церкви и государства, которыя установились въ Россіи въ теченіе XVIII и XIX вѣка и которыя во многомъ обуславливали собой направленіе и цѣль церковныхъ наказаній.

Вѣдь авторъ и самъ, повидимому, наталкивался на необходимость коснуться подобнаго вопроса. Еще въ первой главѣ своего сочиненія онъ дѣлаетъ замѣчаніе о большомъ вліяніи „на прежнюю церковную юрисдикцію карательнаго права“ сложившихся въ новое время отношеній между церковью и государствомъ. Но это замѣчаніе брошено какъ бы мимоходомъ. Повидимому, просто вычитано у какого либо автора и, во всякомъ случаѣ, не раскрыто въ достаточной полнотѣ, къ чему обязывала автора поставленная имъ себѣ задача. Кромѣ односторонности въ освѣщеніи вопроса о церковныхъ наказаніяхъ, отсутствіе разъясненія вліянія въ этомъ со стороны государства можетъ у многихъ оставить тягостное впечатлѣніе, когда, наприм., приходится говорить о примѣненіи въ области Церкви тѣлесныхъ наказаній, о строгомъ взысканіи денежныхъ штрафовъ за небытіе на исповѣди и у Св. Причащенія и т. п.

Перечисляя затѣмъ разные виды церковныхъ наказаній или говоря объ ихъ измѣненіи, авторъ недостаточно раскрываетъ связь ихъ съ условіями и взглядами тогдашней жизни и мало обращаетъ вниманія на причины, вызывавшія измѣненія въ церковныхъ наказаніяхъ.

Принятая на себя г. Введенскимъ задача вообще не изъ легкихъ. Трудность ея для автора увеличивалась еще тѣмъ, что онъ не получилъ юридическаго образованія, а у писателей, лишенныхъ такого образованія, очень обыкновенна неясность юридическихъ понятій и неумѣніе оперировать ими въ приложеніи къ матеріалу, доставляемому жизнью. Но если взять сочиненіе г. Введенскаго въ его цѣломъ, то все же оно представляетъ плодъ большой работы автора въ области сравнительно мало разработаннаго вопроса о цер-

ковныѣхъ наказаніяхъ. Если работа г. Введенскаго не двинула изслѣдованіе этого вопроса впередъ, то однако она достаточно хорошо знакомитъ съ фактическимъ положеніемъ вопроса о церковныхъ наказаніяхъ въ Россіи въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ. По моему мнѣнію, сочиненіе г. Введенскаго удовлетворительно для полученія степени кандидата“.

б) Экстраординарнаго профессора священника *В. Н. Страхова*:

„Довольно значительное по объему (14+476 сс.), сочиненіе г. Введенскаго состоитъ изъ *предисловія* и *шести* главъ. Въ предисловіи авторъ опредѣляетъ задачи своего труда и указываетъ его источники и пособія. Авторъ не видитъ нужды въ самостоятельной разработкѣ подлежащаго его изученію вопроса, имѣющаго уже довольно богатую литературу, и своею задачею ставитъ лишь „свести въ одно результаты прежнихъ изслѣдованій“ по этому вопросу и прежде всего „раскрыть понятіе объ исправительныхъ и карательныхъ мѣрахъ въ связи съ исторіей развитія церковно-карательнаго права“ (с. 5 и 6). Раскрытіе этого понятія и составляетъ предметъ первой главы сочиненія. Въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ даетъ общую характеристику мѣръ наказанія за 18 и 19 вв., опредѣляетъ „сущность и цѣль исправительныхъ и карательныхъ мѣръ“, излагаетъ „виды исправительныхъ и карательныхъ мѣръ“, практиковавшихся духовнымъ вѣдомствомъ въ теченіе 18 и 19 вв., и, наконецъ, говоритъ о „мѣрахъ церковныхъ наказаній по Уставу Духовныхъ Консисторій 1841 и 1883 гг.“

Таково общее содержаніе сочиненія г. Введенскаго.

Авторъ (хотя и не по своей винѣ) не использовалъ основнаго источника, именно: „Описи документовъ и дѣлъ Архива Свят. Синода и Полнаго Собранія Пост. и Распор. по Вѣдомству Прав. Испов.“ Отсюда—не совсѣмъ удовлетворительная постановка всей его работы. Автору пришлось повторить то, что уже было сказано до него. Самъ онъ не привлекъ новыхъ фактовъ къ новому освѣщенію своего вопроса, не поставилъ новыхъ проблемъ. Недостатокъ въ привлеченіи новаго матеріала могъ бы искупиться тщательнымъ изученіемъ стараго. Но и этого не видно. Авторъ не сумѣлъ

разобраться и въ находящемся у него подъ руками матеріалѣ, не смогъ (а можетъ быть и не имѣлъ времени) самостоятельно продумать его. Результатомъ этого явилось отсутствіе въ сочиненіи стройнаго и логическаго плана. У автора, наконецъ, нѣтъ навыка къ краткому систематическому изложенію воспринятаго имъ совнѣ. Отсюда растянутасть сочиненія и неясность цѣлыхъ главъ и отдѣльныхъ положеній. Вотъ почему сочиненіе г. Введенскаго чрезвычайно утомительно при чтеніи.

Всѣ указанные недостатки сочиненія не мѣшаютъ, однако, признать его автора заслуживающимъ степени кандидата богословія. Авторъ взялъ для своей работы трудную тему. Надо быть хорошимъ юристомъ, чтобы разобраться въ тонкостяхъ церковно-юридической терминологіи. Нашъ авторъ—не юристъ, и ему поэтому не удалось ясное и отчетливое раскрытіе понятія объ исправительныхъ и карательныхъ мѣрахъ. При всемъ томъ авторъ, несомнѣнно, много занимался вопросами, связанными съ его темой, много читалъ и успѣлъ собрать довольно значительный и по мѣстамъ интересный матеріалъ“.

9) О сочиненіи студента *Виноградова Михаила* на тему: „Архіепископъ Евсевій (Орлинскій) и его сочиненіе „О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія“.

а) Инспектора Академіи—и. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостына*:

„Въ небольшомъ „предисловіи“ (стр. I—X) г. Виноградовъ даетъ краткій перечень существующихъ въ нашей литературѣ журнальныхъ статей объ архіепископѣ Евсевіи. Самое же изслѣдованіе распадается на *два* части: 1) біографическій очеркъ въ связи съ характеристикой личности Евсевія (стр. 1—109) и 2) обзоръ содержанія его педагогическаго труда съ немногими критическими замѣчаніями на него (стр. 111—370).

Первая часть (біографія святителя) обработана авторомъ очень старательно. Съ должнымъ вниманіемъ отнесся онъ къ извѣстному изданію *Матеріаловъ* для исторіи Русской Церкви; главнымъ же образомъ онъ основалъ біографію Евсевія на его перепискѣ съ наиболѣе близкими къ нему

людьми (напр. съ прот. А. В. Горскимъ), гдѣ и самъ онъ высказывался откровенно и прямо, равно какъ и ему и о немъ говорилась нерѣдко неприкрашенная правда. При этомъ нашъ авторъ постарался использовать и тотъ рукописный матеріаль (еще не изданный), который хранится въ архивѣ канцеляріи и въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи (см. напр. стр. 17, 18, 35, 60, 66 и др.). Стѣдуетъ добавить, что біографія архіеп. Евсевія и характеристика личности его тѣсно переплетаются здѣсь другъ съ другомъ, вслѣдствіе чего хронологическая послѣдовательность фактовъ не всегда строго выдерживается, но за-то изложеніе приобретаетъ сравнительно большій интересъ и жизненность.

Менѣе удовлетворяетъ читателя *вторая часть* труда г. Виноградова. Здѣсь вначалѣ излагаются общія мысли архіеп. Евсевія о христіанскомъ воспитаніи въ противоположность древне-языческому воспитанію и повѣйшему язычеству, а затѣмъ сокращенно передается содержаніе выше-названной книги его въ послѣдовательности параграфовъ (воспитаніе тѣла — стр. 140 — 173; формальное образованіе ума — стр. 174 — 209; воспитаніе способности чувствованій — стр. 209 — 242; образованіе воли — стр. 243 — 308; матеріальное образованіе ума или собственно обученіе — стр. 308 — 353). Авторъ рельефно отгѣнилъ христіанскій характеръ *педагогическихъ* воззрѣній архіеп. Евсевія, но уклонился отъ всякой попытки разсмотрѣть и оцѣнить лежація въ основѣ ихъ *психологическія* воззрѣнія. Нѣтъ здѣсь также и сопоставленія воззрѣній архіеп. Евсевія съ воззрѣніями другихъ педагоговъ, близкихъ къ нему по времени или по направленію, ибо все, что сказалъ нашъ авторъ объ отношеніи его къ Зайлеру на стр. 362 — 364, слишкомъ обще и поверхностно, чтобы этимъ удовлетвориться.

Выдающимся достоинствомъ всего труда г. Виноградова является простота, ясность, и объективность изложенія, въ чемъ, быть-можетъ, сказалось вліяніе самой книги архіепископа Евсевія.

Для степени кандидата богословія разсмотрѣнный трудъ долженъ быть признанъ достаточнымъ“.

б) И. д. доцента В. А. Троицкого:

„Въ своемъ сочиненіи (X+370 стр.=ок. 80 стр. печатныхъ шрифтомъ Богословскаго Вѣстника) послѣ краткаго предисловія г. Виноградовъ даетъ біографію (стр. 1—109) архіепископа Евсевія. Въ этомъ отдѣлѣ, посвященномъ біографіи, самодѣятельность и научные приемы автора сказались наиболѣе ярко. Онъ не ограничился существующими печатными біографическими очерками, но изучилъ и использовалъ достаточное количество первоисточниковъ. Широко онъ пользуется „Матеріалами для исторіи русской Церкви“, печатавшимися въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отецъ—преимущественно письмами А. В. Горскаго и письмами къ нему. Мало того. Авторъ обращался и къ хранящемуся въ нашей бібліотекѣ архиву А. В. Горскаго (стр. 35. 60. 66) и къ архиву академической канцеляріи (стр. 17. 18), извлекая отовсюду хотя самыя мелкія детали, такъ или иначе характеризующія архіеп. Евсевія. Слѣдуетъ при томъ отмѣтить, что авторъ не задается цѣлью дать полную біографію,—это выходило бы за предѣлы его работы. Онъ изъ біографіи довольно искусно выбираетъ лишь то, что характерно для архіеп. Евсевія, какъ педагога. Въ дальнѣйшемъ и можно видѣть, какъ біографическія данныя объясняютъ нѣкоторые пункты педагогической системы Евсевія. Авторъ умѣло избѣжалъ такъ часто встрѣчающагося недостатка, когда біографія и характеристика какой-либо одной стороны дѣятельности извѣстнаго лица въ сочиненіи ничѣмъ между собою не связаны. Съ біографическимъ матеріаломъ авторъ настолько освоился, что чувствуетъ себя довольно независимымъ отъ ранѣе его писавшихъ, не смущаясь, напр., авторитетомъ проф. Н. Н. Глубоковскаго, когда личное изслѣдованіе не позволяетъ согласиться съ выводами этого послѣдняго.

Большая часть сочиненія (стр. 113—353) посвящена изложенію педагогическаго труда архіеп. Евсевія: „О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія“. Авторъ излагаетъ этотъ трудъ съ начала до конца, страницу за страницей. Для этого изложенія большого труда не требовалось, потому что, какъ говоритъ самъ г. Виноградовъ, „отличительной чертой книги архіеп. Евсевія является необыкновенная ясность и прозрачность какъ всего плана, такъ и

построенія каждой главы“ (стр. 356), а „языкъ сочиненія отличается удивительною чистотой, ясностью, простотой и доступностью“ (стр. 357). Нужно только замѣтить, что языкъ, этотъ авторъ иногда безъ нужды ухудшаетъ, вставляя при пересказѣ не мало, напр., словъ иностранныхъ, безъ которыхъ умѣлъ обходиться архіеп. Евсевій.

Заключительный отдѣлъ сочиненія (стр. 356—370) посвященъ разсмотрѣнію формы и достоинствъ сочиненія архіеп. Евсевія. Этотъ отдѣлъ можетъ вызвать не мало упрековъ. Отдѣлъ этотъ очень кратокъ: въ печати онъ не занялъ бы четырехъ полныхъ страницъ, но и при такомъ ничтожномъ объемѣ онъ не отличается богатствомъ содержанія, будучи въ большей своей части наполненъ лишь выписками изъ отзывовъ о сочиненіи архіеп. Евсевія—С. К. Смирнова, А. А. Бронзова, Д. Языкова, П. Θ. Каптерева, П. А. Плетнева.

Сочиненіе архіеп. Евсевія осталось вовсе неразмощрѣннымъ съ точки зрѣнія господствовавшихъ въ то время педагогическихъ идей. Вообще не указано его мѣсто въ развитіи этихъ идей у насъ въ Россіи. Авторъ писалъ сочиненіе по педагогикѣ, но не обнаружилъ сколько-нибудь достаточнаго знакомства съ педагогической литературой; нѣтъ у него, такъ сказать, педагогической культурности, насыщенности педагогическими идеями, хотя этого мы имѣли-бы право ожидать. Теперь же приходится утѣшать себя извѣстной истиной: на нѣтъ и суда нѣтъ. Затронулъ было авторъ весьма интересный и важный не только для характеристики одного архіеп. Евсевія, но и для исторіи русской педагогики вопросъ объ отношеніи книги архіеп. Евсевія къ сочиненію Зайлера: „Ueber Erziehung für Erzieher“, но нѣтъ никакихъ основаній судить даже о томъ, видѣлъ-ли авторъ это сочиненіе, или счелъ это излишнимъ, памятуя про себя; *germanica sunt, non leguntur*. По крайней мѣрѣ никакого сопоставленія этихъ двухъ педагогическихъ трудовъ у автора не видимъ, а сопоставленіе это было-бы весьма не лишнимъ; вѣдь автору извѣстно, что многіе книгу Евсевія считаютъ прямо извлеченіемъ изъ Зайлера.

Наконецъ, желая отстранить отзывъ Плетнева, сдѣланный въ 1844 году, авторъ приводитъ заглавія нѣкоторыхъ другихъ сочиненій архіеп. Евсевія и пишетъ: „Всѣми этими и многими другими сочиненіями превосходно дополняется

книга „О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія“, раннѣйшая по своему появленію, и такимъ образомъ значительно облегчается ея практическое употребленіе“ (стр. 370). Высказано это совершенно безъ всякихъ доказательствъ, не приведено ни одного пункта, гдѣ бы книга „О воспитаніи дѣтей“ „прекрасно дополнялась“ позднѣйшими сочиненіями архіепа. Евсевія. Ближайшаго знакомства съ указанными сочиненіями архіепа. Евсевія авторъ здѣсь вовсе не обнаружилъ.

Такимъ образомъ сочиненіе студента Виноградова Михаила, какъ видно, не безъ недостатковъ и даже существенныхъ. Но оно ясно свидѣтельствуетъ и о томъ, что педагогическій трудъ архіепа. Евсевія прочитанъ имъ внимательно, а біографическій очеркъ убѣдительно доказываетъ, что авторъ можетъ давать своей работѣ вполнѣ научную постановку и писать съ хорошимъ пониманіемъ дѣла. Все это и позволяетъ считать студента Виноградова за представленное имъ сочиненіе вполнѣ достойнымъ степени кандидата богословія“.

10) О сочиненіи студента священника *Владимірскаго Алексія* на тему: „Педагогическія воззрѣнія св. Іоанна Златоуста и ихъ распространеніе въ древней Руси“.

а) Инспектора Академіи—и. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостына*:

„Сочиненіе о. Владимірскаго состоитъ изъ введенія, двухъ главъ изслѣдованія и краткаго заключенія.

Помѣщая во *введеніи* довольно подробную біографію св. Іоанна Златоуста (стр. 6—67), авторъ оправдываетъ это тѣмъ, что „педагогическія воззрѣнія св. Златоуста сложились подъ вліяніемъ идей, заложенныхъ въ его собственное воспитаніе и образованіе, а также и подъ вліяніемъ среды, въ какой онъ жилъ и дѣйствовалъ“ (стр. 68). Не споря противъ такой постановки дѣла, можно лишь пожалѣть, что авторъ не достаточно постарался выяснитъ, какъ именно отразились тѣ или другія жизненныя обстоятельства св. отца на его педагогическихъ воззрѣніяхъ, изложеніе которыхъ дается далѣе въ *первой* главѣ сочиненія (стр. 68—232).

Изложены эти воззрѣнія полно и живо, преимущественно

по сочиненіямъ св. Златоуста, но не всегда въ строгомъ порядкѣ, со многими повтореніями и отступленіями (особенно—въ область пастырства).

Во *второй* главѣ (стр. 233—328) авторъ говоритъ о распространеніи педагогическихъ воззрѣній св. Іоанна Златоуста въ древней Руси, насколько можно судить объ этомъ по памятникамъ древне-русской письменности. Но при этомъ онъ часто вдается въ анализъ такихъ словъ, надписанныхъ именемъ златословеснаго учителя въ нашихъ Златоструяхъ, Измарагдахъ и др. сборникахъ, содержаніе которыхъ не имѣетъ прямого отношенія къ педагогикѣ, а развѣ только посредственное и очень отдаленное (таково напр. слово 68 Златоструя „о женахъ злыхъ и самовластныхъ и язычныхъ“—стр. 255—267, или слово 50 Измарагда „о добрыхъ женахъ“—стр. 304—305 и нѣкотор. др.).

Замѣтно, что о. Владимірскій старательно изучилъ самыя сочиненія св. Іоанна Златоуста, хотя и по русскому переводу. Съ вниманіемъ отнесся онъ къ повѣйшей юбилейной (русской и иностранной) литературѣ объ этомъ св. отцѣ, равно какъ къ трудамъ проф. Лавровскаго, Архангельскаго, Яковлева, Маккавейскаго, П. Каптерева и мн. др. Не оставилъ безъ вниманія даже нѣкоторые рукописные древнерусскіе сборники, содержащіе избранныя слова св. Іоанна Златоуста, и въ доказательство этого приложилъ въ концѣ своего сочиненія копію съ одного слова Измарагда по рукописи Св.-Троицкой Сергіевой Лавры (представляющей нѣкоторыя разночтенія по сравненію съ печатнымъ изданіемъ этого слова).

Для степени кандидата богословія трудъ о. Владимірскаго долженъ быть признанъ весьма удовлетворительнымъ“.

б) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Авторъ обѣщаетъ дать „развитіе педагогической системы Златоуста въ связи съ духовной атмосферой его времени“—въ первой главѣ, и „краткія замѣчанія о томъ, какъ появились на Руси мысли о воспитаніи этого великаго отца Церкви и какова была ихъ исторія здѣсь“,—во второй главѣ (см. стр. 328); но начинается онъ свою работу введеніемъ представляющимъ подробную (на 6—67 стрр.) біографію Златоуста. Смыслъ такого рода длиннаго введенія къ ра-

ботѣ, изслѣдующей педагогическія воззрѣнія лица, исторически и безъ того хорошо извѣстнаго, для меня мало понятенъ; во всякомъ случаѣ, біографія написана о. Владимірскимъ такъ, что она никакого отношенія къ дальнѣйшей работѣ не имѣетъ. Помимо того, вся біографія представляетъ изъ себя въ сочиненіи о. Владимірскаго почти дословный переводъ съ нѣмецкаго источника (Weiszenhofer), сдѣланный, правда, очень хорошо; источникъ этотъ самъ о. Владимірскій цитуетъ почти на каждой страницѣ, но по большей части не въ качествѣ переводимаго оригинала (заключая заимствованныя тирады въ кавычки), но лишь въ качествѣ пособія; слѣдованіе оригиналу настолько рабское, что авторъ способенъ выписывать даже то, что свойственно только перу инославнаго ученаго (напр. о Нектаріи Константинопольскомъ, на стр. 43).

Въ первой главѣ авторъ обнаруживаетъ недозволительное смѣшеніе понятій воспитанія и душепопеченія (см. особенно стр. 71) и вслѣдствіе этого не въ состояніи охарактеризовать истинный характеръ педагогическихъ воззрѣній Іоанна Златоуста, затрогивающихъ собственно только душепопечительную (въ пасторологическомъ смыслѣ) сторону воспитанія, или, иначе говоря, церковное душепопеченіе въ условіяхъ дѣтскаго возраста. Въ результатъ вся работа автора безпомощно колеблется между типами научно-педагогическаго и научно-пасторологическаго изслѣдованія.

Во второй главѣ авторъ имѣетъ тенденцію снова возвращаться къ установкѣ смысла воззрѣній Іоанна Златоуста, что должно было быть уже сдѣлано въ первой главѣ (см. напр. 273—4 стр.); иногда находитъ противорѣчіе между учеными воззрѣніями, обязанныя лишь его недостаточной внимательности къ смыслу этихъ воззрѣній (напримѣръ, стр. 284—5). Вся вообще глава носитъ характеръ случайныхъ наблюденій надъ памятниками древне-русской письменности, но бѣльшаго и невозможно требовать отъ человека, въ строго ограниченный срокъ обязаннаго изучить все 12 томовъ твореній Іоанна Златоуста и кромѣ того немало трудовъ спеціально педагогическаго характера. Нужно лишь очень и очень пожалѣть, что ни во второй, ни въ первой частяхъ своей работы авторъ не провѣряетъ русскій переводъ твореній Златоуста съ греческимъ подлинникомъ, что

одно само по себѣ наполовину лишаетъ его работу научной цѣнности.

Въ качествѣ приложения авторъ даетъ копію съ одного изъ относящихся къ его работѣ древне-русскихъ поученій по рукописи Троицкой Лавры, но при этомъ самъ же замѣчаетъ, что слово это уже издано, и въ рукописи Троицкой Лавры имѣетъ лишь „незначительныя разночтенія“, изъ которыхъ указываетъ всего два (стр. 303). Спрашивается, для чего же нужно было давать такое приложение?

Всѣ указанные недостатки не препятствуютъ однако же труду о. Владимірскаго быть очень дѣльной, основательной и интересной работой, дающей автору право на получение степени кандидата богословія“.

11) О сочиненіи студента *Голованенко Сергѣя* на тему: „Проблема опыта. (Опытъ научный и опытъ общечеловѣчскій)“.

а) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Въ философіи новаго и, особенно, новѣйшаго времени проблема опыта, какъ извѣстно, занимаетъ мѣсто не только главенствующее по своему значенію, но и обширнѣйшее по своему объему. Можно утверждать даже, что значительная часть современныхъ трудовъ по философіи занята почти исключительно именно этой проблемой. Но мало того, что проблема опыта захватила столько вниманія въ свою сторону, она усиливается съ каждымъ годомъ и готова сдѣлаться чуть ли не всею философіей. Но, и оставляя въ сторонѣ прогнозъ, можно рѣшительно утверждать, что уже теперь,—хотя и крайне специальная и далекая отъ жизни, повидимому—,эта проблема сумѣла стать узловымъ пунктомъ множества идейныхъ теченій,—центромъ, изъ котораго исходятъ рѣшенія или попытки на рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ жизне-пониманія. „Что есть опытъ и какъ онъ возможенъ?“— вотъ вопросъ, тотъ или иной отвѣтъ на который предопредѣляетъ укладъ всего жизне-пониманія. Но понятно, что тамъ, гдѣ одними утверждается опытъ въ высшемъ и собственномъ смыслѣ, а другими—всячески отрицается, тамъ-то именно этотъ вопросъ получаетъ наибольшую остроту, а отвѣтъ на него оказывается не только интересной дѣятельностью ума, но и практически-необходимымъ само-осо-

знаніемъ сердца. Да, проблема опыта для религіознаго самосознанія важна въ особенности, ибо основныя положенія религіи именно отъ теоріи познанія въ настоящее время терпѣли наибольшія нападки и получаютъ сильнѣйшія подкрѣпленія. Самымъ предметомъ своихъ интересовъ, самымъ пониманіемъ важности своей темы г. Голованенко показываетъ себя стоящимъ въ гущѣ философскихъ запросовъ и исканій нашего времени.

Нѣтъ сомнѣній, что тема его трудна, и трудна не только какъ тема студенческаго сочиненія, но и безотносительно. Чтобы взяться за нее, необходимо быть не только вооруженнымъ значительнымъ знаніемъ современныхъ философскихъ мыслителей, но и владѣющимъ до тонкости логическимъ анализомъ. Но, кромѣ того, необходимы отчетливо-выкристаллизовавшіяся собственныя убѣжденія и, главное, точная и твердая внутренняя оріентировка среди различныхъ опытовъ и ихъ сравнительной цѣнности. Выражаясь нѣсколько упрощенно, мы сказали бы, что, кромѣ знаній и силы критической, необходимо также извѣстный *возрастъ*, извѣстная окончательность жизне-ощущенія. Сочиненіе г. Голованенко неоспоримо доказываетъ, что авторъ его недурно удовлетворяетъ первымъ двумъ условіямъ,—и тѣмъ общаетъ въ дальнѣйшемъ дать русской литературѣ нѣчто цѣнное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно и то, что его собственное жизне-ощущеніе и собственная жизне-ощѣнка находятся *in statu nascendi*, и абрисы ихъ намѣчаются богато, но смутно. Говорю это не въ качествѣ упрека автору, можетъ быть, даже почти въ похвалу,—ибо окончательные отвѣты на вопросы столь трудные давать въ молодости—это значитъ не уважать старости и не разумѣть, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ пониманія жизни и пылъ юнаго ума и напоръ мужественныхъ знаній должны получить благословеніе отъ сѣдинъ старца, и не какого-нибудь геніальнаго старца, а хотя бы самаго обыкновеннаго, но имѣющаго за собою извѣстное количество лѣтъ. Мысли г. Голованенко не осѣлись еще и бродячь, а онъ даетъ имъ бродить. Но, при всемъ томъ, не должно скрывать отъ него, что пока они бродячь, его сочиненіе не можетъ быть редактировано твердою рукою.

Въ виду всего сказаннаго, дѣлается понятнымъ, что сочиненіе г. Голованенко, съ одной стороны, значительно выше

лучшихъ сочиненій, подаваемыхъ на степень кандидата, а съ другой, — и ниже многихъ. Обладая многими высокими достоинствами, оно отзывается какой-то неустойчивостью, это — такъ сказать очень смутный и совсѣмъ черновой набросокъ очень глубокаго и цѣннаго изслѣдованія, — прекрасные контуры кое-какъ заполненные красками.

Неустойчивость его сказывается прежде всего на языкѣ. То возвышаясь до истиннаго лиризма, или выражаясь въ тонкихъ и мѣткихъ указаніяхъ, то подмѣняя символы кудреватыми аллегоріями и расплываясь во множествѣ словъ, изъ коихъ ни одно все же не попадаетъ въ цѣль вѣрно, изложеніе г. Голованенко, непрестанно поддерживаетъ мысль о величайшей спѣшкѣ работы. Торопясь сказать свою мысль поскорѣе и покороче, авторъ, какъ всегда случается въ такихъ случаяхъ, говоритъ слишкомъ много, и цѣнная мысль разбивается на множество не совсѣмъ удачныхъ и совсѣмъ неудачныхъ попытокъ выразить ее. Отсюда — множество повтореній одного и того же, при чемъ необходимая прозрачность рѣчи такъ и не отыскивается, а множество полу-нужныхъ словъ, поставленныхъ взамѣнъ одного нужнаго, утомляетъ умъ читателя. Витиеватость и рыхлость языка — вотъ что досаднѣе всего портитъ впечатлѣніе отъ этой работы. Но, и учитывая поправки на спѣшность работы, на трудность обсуждаемыхъ предметовъ и т. д., мы все же думаемъ, что нѣчто отъ этого словеснаго хаоса обязано своимъ возникновеніемъ нѣкоторому внутреннему хаосу, — не столько мыслей, сколько жизне-чувствія. Есть, впрочемъ, и еще одна причина тому же, и причина эта неразрывно связана съ принятымъ *методомъ* работы. Чтобы пояснить свою мысль, я сперва дамъ нѣкоторое сравненіе. Представимъ себѣ, что мы имѣли бы въ своемъ распоряженіи лишь лексиконъ физики и химіи, и захотѣли бы съ нимъ писать романъ. Тамъ, гдѣ дѣло шло бы о явленіяхъ внѣшнихъ, мы кое-какъ справились бы со своею задачею; но когда повѣствованіе дошло бы до внутреннихъ процессовъ сокровенной жизни, то у насъ не было бы словъ для выраженія своихъ мыслей; пришлось бы прибѣгнуть къ насильственному и противоестественному употребленію терминовъ физики, и ихъ громоздкія и неуклюжія комбинаціи едѣлали бы рѣчь нашу едва понятной и невыносимо утомительной. На такое именно положеніе обрекаетъ себя г.

Голованенко. Желая развивать философію личности, философію вѣры и тончайшихъ переживаній вѣчности, онъ уклоняется отъ имѣющихся словъ, выработанныхъ для сей цѣли, и хочетъ выразить христіанскую философію въ нескладныхъ терминахъ философіи, которая даже не понимаетъ, что есть вопросы затрагиваемые г. Голованенко. Пусть когены и авенариусы дадутъ превосходную терминологию. Но вѣдь она превосходна лишь для философіи Когена и Авенариуса, но ни въ коемъ случаѣ не для философіи вѣчности, раскрываемой нашимъ авторомъ. И, если кто считаетъ идеи Бога, вѣчности, личности, свободы и т. д. ненаучными, то едва ли онъ станетъ ихъ считать научными послѣ того, какъ ихъ переименуютъ не совсѣмъ точно употребленными терминами философіи низшаго порядка. Кто чурается вѣры въ ея собственномъ, приличествующемъ сану одѣяніи, того, едва ли обманетъ когено-авенариусовскій маскарадъ съ переодѣваніемъ вѣры. Скорѣе, наоборотъ, онъ усмотритъ здѣсь попытку обмануть его и свою подозрительность усугубить. Въ области языка, какъ и вообще для всѣхъ символовъ, основной законъ—законъ „перманентности“ открытый Пикокомъ и Ганкелемъ. Примѣнительно къ данному случаю, онъ поясняетъ намъ, что высшая система символовъ способна передавать низшую и—даже лучшее, чѣмъ выражаетъ себя эта система низшая; но никакъ не можетъ быть выражена при помощи нижней системы система высшая. Г. Голованенко же впадаетъ въ методологическую ошибку, пытаясь языкомъ грубымъ передавать идеи возвышенныя, и понятно, что, несмотря на героическія усилія, успѣваетъ въ своемъ намѣреніи лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку забываетъ о требованіяхъ мнимой строгости терминологіи.

Основной вопросъ темы, объ опытѣ, естественно расчленяется на два, а именно на вопросъ объ опытѣ, такъ сказать *естественномъ*, т. е. взятомъ въ его непосредственности и жизненной конкретности, и на опытъ *искусственный*, протекающій въ какихъ-либо ущемленныхъ, исключительныхъ условіяхъ. Первый типъ опыта—опытъ *обще-человѣческій*; въ его составѣ и содержится опытъ религіозный. Второй же опытъ—научный. Но, спрашивается, чѣмъ же именно характеризуются эти основные типы опытовъ.—Опытъ научный, какъ разъясняетъ г. Голованенко, есть опытъ *пространства*, а опытъ

обще-человѣческой—опытъ *вѣчности*. Первый опытъ связанъ съ идеей *вещности*, второй же—*личности*. Формою промежуточной между ними служитъ опытъ *времени*, связанный съ концепціей *творчества* или, скорѣе, *жизни*. И философія пространства и философія вѣчности могутъ быть возводимы къ своимъ идеальнымъ предѣламъ; тогда первая даетъ „мистику вещи“, какъ весьма удачно опредѣляетъ г. Голованенко теософію, а вторая—философію вѣры, т. е. мистику личности, подъ которой въ сочиненіи разумѣется опытъ святыхъ подвижниковъ Церкви. И тутъ-то, на вершинѣ того и другого жизне-пониманія, окончательно открывается рѣшительное расхождение опытовъ того и другого типа.

Такова основная мысль работы г. Голованенко. Ее далеко нельзя назвать совсѣмъ новой, но безспорно, что послѣдовательное ея проведеніе ново и заслуживаетъ вниманія. Особенность проведенія этой мысли въ разбираемомъ сочиненіи заключается въ томъ, что г. Голованенко подбираетъ къ каждому этапу въ разрѣшеніи основного вопроса конкретный историческій примѣръ и изслѣдуетъ данный этапъ мысли на этомъ, представляемомъ самою дѣйствительностью матеріалѣ, конечно, впрочемъ, нѣсколько схематизируя его. Сочиненіе (XIX+571 стр.) построено, именно, по такому плану: послѣ небольшого введенія, съ мотивировкою избранной темы и раскрытіемъ плана работы, идетъ первая часть ея, посвященная „*Феноменологии опыта*“, т. е., другими словами, обсужденію вопроса „*Что такое опытъ?*“. Эта часть распадается на два отдѣла, изъ которыхъ первый посвященъ философіи пространства и рассматриваетъ по преимуществу ученія Авенаріуса и Когена, а второй—философіи времени; тутъ обслѣдованы ученія Риккерта, Бергсона и Штерна. Вторая часть работы озаглавливается: „*Логика опыта*“ и имѣетъ свою задачу обсудить вопросъ о *возможности* опыта. Въ постановкѣ г. Голованенко, логика опыта существенно связывается съ философіей личности. Рядомъ очерковъ, послѣдовательно вѣдряющихся въ проблему личности, онъ стремится показать, какъ совлекается личность вещной, „пространственной“ мертвенности и какъ она осознается началомъ творческимъ, центромъ живой вѣры и простирающей отсюда свободы. Тутъ проходятъ предъ читателемъ различныя попытки обосновать персонализмъ,—психологическая Не-